

Но ведь Тань Шуцю ушел вместе с теми четырьмя бедолагами. Теперь, когда дело дошло до убийства, как банде Цанлан остаться в стороне? Зная характер Тань Шуцю, он наверняка уже забился в угол от страха, а то и хуже — кто-нибудь мог объявить его убийцей. Всё-таки нужно пойти и взглянуть на происходящее своими глазами.

Чжу Сяосуй не смог с ним сладить, а потому приказал всем слугам следовать за ними. Когда Чжу Яньинь выходил, он столкнулся лицом к лицу с Ли Суем, как раз спускавшимся по лестнице.

— ...

— Молодой господин, экипаж готов, — протиснувшись вперед, спросил Чжу Чжан. — Выезжаем?

Ли Суй не слишком понимал этого старика: когда не нужно, тот устанавливал кучу правил о еде и питье, а когда следовало проявить строгость — отпускал поводья. Посреди глухой ночи всей оравой отправляться глазеть на трупы?

Чжу Яньинь пояснил:

— Я хочу проведать молодого господина Таня. Кажется, он остановился на постоялом дворе Чжаофу.

— Сейчас он, скорее всего, уже на месте преступления, — Ли Суй развернулся. — Идем.

Чжу Яньинь согласно кивнул и побежал следом.

Ночь была прохладной.

Снаружи всё еще толпились люди из разных орденов. Повсюду было не протолкнуться, так что экипажи, подготовленные усадьбой Чжу, будь то большие или малые, не могли сдвинуться с места.

Ли Суй вскинул Чжу Яньиня на коня и во весь опор помчался к кварталу Шуйцзинфан.

Улицы озаряли длинные вереницы факелов, похожие на огненных драконов.

В квартале Шуйцзинфан было светло как днем.

Здесь собрались и представители властей, и Альянс боевых искусств. Множество орденов, не сумев попасть в главный зал, заполнили внутренний двор сплошной темной толпой.

Коронер еще не успел провести подробный осмотр тел, но, полагаясь на многолетний опыт, сделал предварительное заключение. Из трех погибших тела Чжао Хунху и Гэ Чанье покрывали сине-черные пятна — судя по всему, перед смертью они были отравлены каким-то редким ядом, тогда как на теле Цуй Вэя подобных следов не обнаружилось. У каждого на шее виднелась борозда от пеньковой веревки. Вытаращенные глаза и высунутые языки делали лица мертвецов по-настоящему жуткими.

Когда Ли Суй и Чжу Яньинь добрались до квартала Шуйцзинфан, школы, к которым принадлежали трое погибших, столпились у главных ворот. Они яростно кричали, требуя справедливости для своих жестоко убитых учеников, стараясь перекричать друг друга. Однако тела только-только обнаружили, все нити дела запутались в глухой клубок, и даже если бы

справедливость мчалась во весь опор, загоняя лошадей, она вряд ли поспела бы сюда раньше чем через три-пять дней.

Уездного судью Ваньцзинчэна звали Ма Бао. Нельзя сказать, что он был отъявленным взяточником, но и кристальной честностью не отличался — при случае не упускал возможности погреть руки. Словом, обычный заурядный чинуша, кое-как тянущий лямку. Пока в городе царил покойствие, всё шло гладко, но стоило случиться убийству, как его голова начинала раскалываться от боли. Первой его мыслью было вовсе не раскрытие дела, а стенания: «За что мне такое невезение? Ну и пакость, какая же пакость!»

Помимо орденов, к которым принадлежали жертвы, на месте происшествия находились еще две группы людей, чьи чувства заметно отличались от настроений остальных.

Первыми были представители усадьбы Лю. Поскольку тело Лю Сияна так и не нашли, существовала большая вероятность, что он жив. Казалось бы, хорошая новость, но раз трое его спутников мертвы, то кем же является единственный пропавший — жертвой или убийцей? Сказать наверняка никто не мог.

Вторыми были люди из банды Цанлан.

Отец и сын из семьи Тань обычно держались в тени, и этот раз не стал исключением. Хотя они простояли на месте преступления уже добрую половину дня, никто так и не сообразил, что Тань Шуцю имеет к случившемуся прямое отношение. Лишь спустя какое-то время кого-то из банды Лю осенило, и он запоздало выкрикнул:

— Погодите-ка, молодой господин Тань, разве вы не ходили вместе с ними наносить визит мастеру Чаньцзи?

Эти слова подействовали словно капля воды, упавшая в чан с кипящим маслом: толпа мгновенно взорвалась.

Реакция самого Тань Шуцю оказалась весьма примечательной. Услышав это, он мгновенно побледнел, колени его подогнулись, и на глазах у всех он в панике шлепнулся прямо на землю, не в силах вымолвить ни слова. Всем своим видом он буквально кричал: «Я совершил убийство, мне безумно страшно, теперь меня раскрыли, и мне точно крышка!» Если бы глава банды Тань не знал, насколько труслив и беспомощен его сын, он и сам бы поверил, что этот негодник причастен к преступлению.

Вань Чжунюнь спросил:

— Молодой господин Тань, что всё-таки произошло?

Тань Шуцю, бледный как полотно, пролепетал:

— Я... я... я правда никого не убивал!

— Тогда почему из пяти отправившихся в путь трое зверски убиты, один пропал без вести, и только ты вернулся целым и невредимым?

Губы Тань Шуцю задрожали:

— Потому что... В общем, я никого не убивал! Меня заперли в заколдованном лабиринте, я ничего не знаю!

На этот раз растерялся даже глава банды Тань. Он совершенно не понимал, откуда взялся какой-то «заколдованный лабиринт». Разве ему не говорили, что те четверо тайком сбежали пить и развлекаться с блудницами? Выслушав это тогда, он даже обрадовался: пусть его сын и трусоват, зато не ввязывается в подобные непотребства. Разумеется, правила приличия следовало соблюдать, и он не мог прямо заявить представителям четырех орденов, что их ученики отправились по борделям, а его сын — образец добродетели. Поэтому он просто сослался на неотложные дела в банде и якобы из-за этого пораньше отозвал сына домой.

Казалось бы, вот и вся подоплека дела, откуда же всплыли новые обстоятельства?

Тань Шуцю продолжал выглядеть так, словно на нем горит шапка, а Тань Шань окончательно запутался из-за бессвязного бормотания сына. В итоге отец и сын стояли посреди ярко освещенного зала, хлопая глазами друг на друга. Если не они выглядели подозрительно, то кто же?

К тому же весь цзянху знал, как сильно семья Тань жаждет завести связи с благородными домами и подняться повыше. Им выпал редкий шанс отправить сына на прогулку с отпрысками именитых семейств, и вдруг они отзывают его посреди пути? Как это объяснить? Неужели это было сделано ради убийства? Иначе концы с концами не сходились.

Голос Вань Чжуня посуровел:

— Глава банды Тань, боюсь, вам придется объясниться перед всеми.

— Ну... — Тань Шань хотел было рассказать о том, как те четверо отправились пьянствовать с женщинами, но это явно расходилось с внезапно возникшим «заколдованным лабиринтом», да и могло оскорбить другие ордены. Он ни на секунду не верил, что его сын способен на убийство, а потому принялся расспрашивать его дальше: — Когда вы впятером отправились в путь, что именно произошло по дороге? Расскажи всё без утайки, чтобы люди рассудили по справедливости, да и убийцу так найти будет легче.

Тань Шуцю с трудом сглотнул вязкую слюну и с помощью слуг поднялся с земли и сел на стул.

Дело зашло слишком далеко — на кону стояли три человеческие жизни. Он больше не смел ничего скрывать и честно признался, как его бросили в заколдованном лабиринте, где он едва не умер с голоду.

Выслушав всё от начала до конца, Тань Шань преисполнился гнева, тревоги и запоздалого страха. Тем временем посторонние люди из других орденов перешептывались: если слова парня — правда, то те четверо поступили на редкость подло. И хотя Тань Шуцю мало кому нравился, все они принадлежали к праведным школам боевых искусств, так стоило ли из-за этого убивать?

Тань Шуцю с плаксивым лицом добавил:

— Я... Они еще и забрали мой узелок с серебром, сказав, что поедут в Линьчжоу развлекаться с девицами.

В толпе лишь зацокали языками.

— Чушь собачья! Старший брат Цуй был благороднейшим человеком, с какой стати ему ни с того ни с сего убивать тебя?

— Альянс-мастер, слова Тань Шуцю бессвязны и не заслуживают доверия!

— Неужели у нашего ордена Цзышань нет денег, чтобы нам опускаться до кражи серебра у банды Цанлан?

От этих криков и допросов Тань Шуцю совсем пал духом, ему хотелось просто закрыть глаза и лишиться чувств.

— Альянс-мастер! — вмешался представитель усадьбы Лю, желая быстрее отвести подозрения от своих. — Раз молодой господин Тань не может предоставить доказательств, нужно поступить по правилам: взять его под стражу, а затем во всем досконально разобраться.

Вань Чжунюнь кивнул и уже собирался отдать приказ увести Тань Шуцю, как вдруг снаружи во дворе поднялся легкий шум.

Толпа, заполнявшая двор, словно раздвинулась под ударом острого клинка, послушно расступившись в стороны. В образовавшийся проход вошел Ли Суй, ведя за собой Чжу Яньиня. Первым, кого они увидели в главном зале, был сжавшийся на стуле Тань Шуцю. Ну конечно.

Вань Чжунюнь знатно удивился. Он не понаслышке знал, как трудно дозваться до такого грозного человека, как Ли Суй. Умри в Альянсе боевых искусств хоть четыре человека, хоть сорок, хоть четыреста — Дворец Ваньжэнь и пальцем бы не шевельнул. Другие ордены, очевидно, разделяли мысли Альянс-мастера Вань: предположение о том, что владыка дворца Ли рассердился из-за прерванного сна и явился в квартал Шуйцзинфан, чтобы устроить резню, звучало куда убедительнее версии, будто его заинтересовало это убийство.

Тань Шуцю снова слабо пробормотал:

— Меня правда заперли в заколдованном лабиринте...

— Да, — кивнул Чжу Яньинь. — Я свидетель. Его действительно заперли в заколдованном лабиринте.

В зале поднялся гул. Тань Шуцю ощутил такое облегчение, что силы мгновенно покинули его. Поняв, что избежит участи безвинно оклеветанного, он тут же громко разрыдался.

Чжу Яньинь подробно рассказал, как они случайно забрели в заколдованный лабиринт и как им посчастливилось спасти Тань Шуцю. Тем временем один из стражников принес деревянный поднос. Он сообщил, что в колодце нашли лоскут от узелка с вышитым узором в виде волн и иероглифом «Тань», и попросил присутствующих осмотреть его в надежде отыскать зацепку к личности убийцы.

Тань Шуцю всхлипнул:

— Это мой узелок! В нем было серебро, они выманили его у меня... О-о-о-о!

— ...